
МОЛОДЕЖНЫЙ АКТИВИЗМ В РОССИИ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЕГО СМЫСЛА

Е.Л. Омельченко

В статье критикуется традиционный подход к оценке гражданской позиции современной российской молодежи. Интерес к *молодежному активизму* со стороны академических кругов и политических деятелей на протяжении всего XX века проявлялся чаще всего спонтанно, вслед публичным демонстрациям «неуправляемой молодежной энергии». Сравнение российских и западных конструкторов «молодежного вопроса» делает более ощутимым последствия прямого включения «взрослой» идеологии в молодежную реальность; отсутствие у молодежи права на участие в определении стратегий общественного развития выражается в объектно-эксплуататорском отношении к ней как в СССР (России), так и на Западе. Идеологически запрограммированное представление о молодежи как однородной социальной группе не стало «историей», переход от рассмотрения молодежи как объекта целенаправленного государственного воздействия или ресурса будущего нации – к молодежи как полноправному субъекту общества продолжает существовать в политических и отчасти академических текстах большей частью декларативно. Автор полагает, что концептуальные расхождения между субъектами социальной политики непосредственно влияют на приоритеты современной молодежной политики.

Ключевые слова: российская молодежь, молодежный активизм, аполитичность, правозащитное движение, социальная политика, глобализация, идентичность

Логика у них (молодых) совершенно справедливая: «Зачем нам знать свои права, если мы не собираемся их защищать?»

Лидер молодежного правозащитного движения, Воронеж

Задача настоящей статьи – проблематизировать привычные и устоявшиеся взгляды на молодежную активность. Эта задача актуализируется серьезными расхождениями между субъектами социальной политики в понимании

особенностей формирования индивидуальных и групповых молодежных идентичностей, смысла и направленности молодежных практик в контексте взаимоотношения с общественными структурами современной России. Проблема, конечно, не в *доле* молодежи в структуре населения, а в той *роли*, которую она играет или которая ей предписывается в развитии и укоренении практик гражданского участия в преобразовании общественной системы. Однако ссылки на статистику имеют особое значение, являясь обязательным сопровождением решений молодежного вопроса на государственном уровне.

Долю молодого поколения россиян (чаще всего определяемую в интервале от 14 до 28–30 лет) определяют как пятую или шестую часть всего населения России. Если к этой категории относят подростков, то доля этой группы будет составлять четверть населения. Данные о численности и составе молодого населения России используются в контексте молодежной политики чаще всего для доказательства актуальности и срочности особых государственных мер. Например, рабочая группа по разработке Доктрины молодежной политики в России основной упор делала на «опасные» прогнозы: «Уведомляем общественность и президента, что, по прогнозам, к 2025 году доля молодежи в структуре населения России снизится с 25 до 18 %». Далее говорилось о кризисе молодой семьи, так как количество разводов достигло 500 на 1 000 браков, большинство молодых семей ориентировано на рождение не более одного ребенка, при этом разработчики констатировали, что «продолжается маргинализация и криминализация молодежной среды, увеличивается число молодых людей, склонных к правонарушениям. В течение 90-х годов прошлого века число осужденных за уголовные деяния в возрасте до 29 лет возросло в 2 раза. Более половины всех правонарушений совершаются несовершеннолетними. Число беспризорных сопоставимо с уровнем 20-х годов прошлого века» [Братерский, Ратиани, 2003].

Почему молодежь? Невидимые участники современной молодежной политики

Интерес к *молодежному активизму*¹ (активности) со стороны как российских, так и западных академических кругов и политических деятелей на протяжении всего XX века проявлялся чаще всего спонтанно, вслед публичным демонстрациям «неуправляемой молодежной энергии». В России развитие молодежного вопроса тесно связано с Октябрьской революцией 1917 года и всей советской историей. Основные изменения во взгляде на молодежь в России (СССР), как и на Западе, связаны с преобразованиями общества после Второй мировой войны. Отечественная история молодежи не столь кардинально

¹ Понятие «активизм» представляется более подходящим для выделения социально-политических форм молодежной активности, тогда как последнее понятие может быть использовано по отношению к жизненным установкам в целом.

разделена на «довоенную» и «послевоенную» как, например, американская, английская или германская. Базовые идеи и практики, зародившиеся в эпоху революции, формирования и укрепления большевистской идеологии, просуществовали на всем протяжении советской истории, сохранившись пусть и в измененном виде до сегодняшнего времени.

Сравнивать развитие и смену советских и западных конструктов «молодежного вопроса»¹ сложно и не всегда корректно, поскольку они развивались в рамках практически непересекающихся социально-политических парадигм. Но подобное сравнение делает более ощутимым последствия прямого включения «взрослой» идеологии в молодежную реальность. Зависимое, несвободное положение молодежи, отсутствие у нее права на участие в определении стратегий общественного развития хотя и по-разному, но нашло выражение в объектно-эксплуататорском отношении к ней как в СССР (отчасти и постсоветской России), так и на Западе.

В центре внимания западных обществоведов находились такие понятия, как: «молодежь как социальная проблема», «девиантное поведение молодежи», «молодежь и потребительство», «молодежь и транзичия». Советскими учеными эти темы если и поднимались, то исключительно в фокусе критики западного образа жизни. Если западные теории молодежи выросли из биосоциальных понятий, психологии и культурологических исследований, то советские – практически целиком и полностью строились на идеологии, основные идеи которой были связаны с марксизмом-ленинизмом. Наконец, если западные традиции молодежного вопроса до определенного времени укладывались в амбивалентное понятие «молодежь как угроза / молодежь как радость» [Hebdige, 1988], то большевистские подходы к молодежи вплоть до конца 1980-х годов располагались внутри целостного и непротиворечивого представления о молодых как носителях светлого будущего и строителях коммунизма [Омельченко, 2004а]. Переосмысление молодежного вопроса в западной (в частности, британской²) академической литературе связывается с серьезной критикой, предпринятой целым рядом социологов, политологов и культурологов в начале 80-х годов прошлого столетия. Ситуация была определена как кризис исследований молодежи. С одной стороны, этот кризис был вызван разочарованием многих исследователей в феномене «молодежного сопротивления» и в его базе – в молодежных культурах и субкультурах. С другой стороны, он был стимулирован динамичным развитием новых видов экономических отношений, основанных на гибких формах постиндустриального капитализма. Молодежные культуры не могли более рассматри-

¹ Использование понятия «молодежный вопрос» позволяет расширить рамки социологического подхода. В его оформлении участвуют разные социальные субъекты – ученые, политики, социальные работники, лидеры общественного мнения, СМИ, сама молодежь.

² Акцент на английской традиции конструирования молодежного вопроса объясняется преимущественным знакомством автора с этой литературой.

ваться в качестве силы, способной заменить революционный дух пролетариата. Молодежь с легкостью – в отличие от ее проблематизации учеными – вписалась в новые социально-экономические и культурные условия.

Вместе с тем теоретики молодежных культур, преодолевая ограничения классового подхода, начали обращаться к другим структурным факторам формирования групповых молодежных идентичностей – расе / этничности, гендеру / сексуальности, однако тем самым они создавали дополнительные источники кризиса объяснительных моделей. Исследователи по-разному выходили из этой затруднительной ситуации. Марксисты, например П. Виллис, продолжали придерживаться функциональной базисной модели социального и культурного воспроизводства для объяснения реструктуризации молодежного труда и школьной транзитуции [Willis, 1990], а субкультурная теория, в лице Д. Хебдиджа, перешла на постмодернистские основания [Hebdige, 1988]. Тот период был отмечен проведением серии проектов в русле критической этнографии, что повернуло теоретические разработки к эмпирическим исследованиям молодежи [Vunper, 1988]. В фокусе внимания оказались стратегии выпускников школ в переходный период на выходе из школы, их ожидания относительно «рыночного» потенциала получаемой квалификации и модели потребительского поведения. С учетом критики, молодежную жизнь теперь изучали с помощью множественных корреляций с гендером, возрастом, расой и классовым положением. Это был период настоящего ренессанса молодежной темы. «Однако научные парадигмы, лежащие в основе методологии этих авторов, только способствовали тому, что ситуация была проартикулирована как “кризис социологии молодежи” или “кризис базовых измерений молодежи”, на которых основывались все до-, по- и постклассовые концепции. *Вопрос был сформулирован категорически: чтобы двигаться дальше, нужно переосмыслить молодежный вопрос*» [Cohen, 1997. P. 179].

Кризис отразился и на молодежной политике в Великобритании. Острота в постановке молодежного вопроса связывалась с провалом лейбористов на выборах 1983 года в результате потери молодежного электората. Для того чтобы исправить положение, предпринимались попытки омоложения партийного имиджа с помощью специальных проектов, направленных на «прямой и искренний» разговор с молодыми людьми о «наболевшем». Проведенные вслед за массивными медиа-атаками замеры общественного мнения показали, что молодежные голоса качнулись в сторону лейбористов. Аналитики сделали выводы о том, что удалось найти каналы прямой и эффективной коммуникации, а значит и основу для правильной молодежной политики, базой которой должен быть яркий и балансирующий на грани эпатажа разговор с молодежью. Центральное место в «откровенных» разговорах с молодежью занимали темы секса, насилия, брака, ранней беременности, наркотиков. Попутно реализовывались и скрытые политические задачи по пробуждению «гражданских чувств». Примером тому могут быть программы знаменитых британских ток-джейв Т. Ульман, Б. Брега и др. Сведения политичес-

кой агитации среди молодежи к так называемым «акциям с открытым забралом» характерны и для нашей страны. Чего стоит только ельцинская кампания «Голосуй, а то проиграешь!». Однако сегодня подобные «прямые» обращения уже вряд ли будут эффективны. Уровень доверия ко всем государственным структурам (кроме лично президента) у российской молодежи стремительно падает.

Для самой молодежи того времени основной проблемой была не ее «аполитичность», а рост безработицы. Государственные программы по переобучению не принесли желаемого успеха, ситуация на молодежном рынке труда постоянно ухудшалась вместе с общим кризисом производства, и внимание социологов обращается к культурному контексту отказа молодежи от участия в организованной политике. Следуя «субкультурной» инерции, они полагают, что в подобной форме «политического моратория» выражается сопротивление новому культурному господству. Ученые писали о том, что молодежь 80-х годов не стала апатичной, просто ее «активность» выражается в новых формах, свою энергию она направляет на развитие индивидуальных стилей, которые порождены влиянием идей антиглобализма, феминизма и движения за мир. Эти новые молодежные движения не предвещали «бунта», как контркультуры 60–70-х годов, их противостояние не выливалось в марши протеста. Новые формы «сопротивления» и индивидуальные стилевые политики были знаком перехода западной молодежи в постмодернистское общество. Солидарности, построенные вокруг подобных идентичностей, не грозили конфликтом с властью имущими, они «явочным» порядком обозначили наступление нового молодежного времени, наиболее яркими предвестниками которого стали голоса молодых женщин, а также «черной» и гомосексуальной молодежи.

В нашей стране вопрос о понимании спонтанных форм молодежной активности был поднят в 80-е годы, которые были ознаменованы научно-исследовательской работой в этом направлении школы центра ВКШ при ЦК ВЛКСМ и ИСИ РАН. В целом этот период отмечен настоящим всплеском интереса к неформальным молодежным группировкам. С одной стороны, это было очередным выполнением социального заказа, с другой – в этой литературе анализировалась широкая палитра молодежных культурных практик¹. Особое внимание было направлено на расширяющееся пространство молодежных идентичностей, что было связано с развитием, дифференциацией и политизацией массового сознания всего населения. Появление новых, открытых социальных идентичностей – новаторских и консервативных, конформистских и экстремистских, эпатазирующих и морализаторских и дру-

¹ На середину – конец 80-х годов приходится настоящий бум публикаций, посвященных так называемым «неформалам». Характер этих публикаций выдержан в основном в духе «борьбы» [см., например: Громов, Кузин, 1990; Запесоцкий, Файн, 1990; Кичигин, 1988; Левичева, 1989; Неформалы... 1990; Пашков, 1990; По неписаным законам улицы... 1991 и др.]

гих – было отражением надежды в возможность массового участия в преобразовании общества. Для того десятилетия был характерен отход от применения унифицирующих определений молодежи, растущий интерес к отдельным культурным молодежным практикам. Наряду с количественными, сплошными опросами и замерами начинают использоваться качественные методы сбора информации, растет интерес к западному опыту молодежных исследований, технологиям социальной политики в отношении молодежи, переводам и публикациям классических работ в этой области. Однако уже середина и конец 90-х годов оказались для молодежных исследований, агентов социального государства и для самой российской молодежи периодом, когда одно разочарование сменялось другим. После победы выборной кампании Б. Ельцина, массово эксплуатирующей молодежный оптимизм, про молодежь окончательно забыли. «Политические перемены вызвали значительное сокращение (с 1990 до 2000 года, по сравнению с предыдущим десятилетием, в 10–15 раз) количества диссертаций по проблемам молодежи» [Луков, 2002. С. 19].

Противоречивость концептуальных основ молодежного вопроса проявляется и в так называемой современной молодежной политике, которая находится на этапе становления: законопроект «Об основах государственной молодежной политики» прошел в Госдуме согласительную процедуру 31 мая 2002 года. Однако на государственном уровне не прекращаются споры о том, что следует принять в качестве основы государственной молодежной политики. Кого следует считать не только «получателем», но и ответственным от государства за принятие и проведение решений в отношении этой группы. Остается не проясненным вопрос о причинах выделения молодежи в качестве социальной группы, нуждающейся в специфическом государственном патронаже. Публичное обозначение уязвимости в социальном смысле, с одной стороны, дает возможность разрабатывать соответствующие программы и выделять под них финансирование, но, с другой стороны, лишает в определенном смысле молодежь субъектности. Официальные высказывания о молодежной политике отличаются декларативностью и абстрактностью, часто с трудно различимым смыслом. Так, например, В.Л. Мутко (Член Комитета Совета Федерации по делам Федерации и региональной политике, Председатель Комиссии Совета Федерации по делам молодежи и спорту) в ходе обсуждения «Закона о молодежи» обратил внимание на то, что «в законодательстве <...> не закреплены некоторые базовые понятия: “молодежь”, “молодые граждане”, “социальная инфраструктура для молодежи”, “социальные службы для молодежи”, “субъекты реализации государственной молодежной политики”, <...> не определены сущность государственной молодежной политики, ее цели, задачи, приоритетные направления и механизмы реализации, формы взаимодействия органов государственной власти с молодежными общественными организациями, а также формы реализации молодыми гражданами одного из своих конституционных прав – участия в управлении

делами государства...». Среди основных проблем им были названы неправомерное деление на политику в отношении детей и молодежи. «В результате несовершеннолетние, возраст которых от 12 до 14 лет, то есть не относящиеся к категории детей и молодежи соответственно, оказываются вне зоны внимания государственных органов и общественных организаций. Молодежная политика не должна ограничиваться столь жесткими возрастными критериями. Более правильно распространять ее в комплексе на все подрастающее поколение: молодежь, подростков и детей... в ближайшей перспективе по-прежнему будут актуальны определение стратегии, дальнейших направлений развития молодежной политики в стране и выработка на этой основе законодательного акта, который позволил бы осуществлять комплексное регулирование проблем молодежи на всех уровнях власти, проводить единую, согласованную и эффективную политику государства» [Материалы... 2004].

В качестве желательных направлений развития отмечаются, например, важность отхода от патернализма и стремление к массовости. Последнее направление вызывает особенные сомнения, поскольку в той же Доктрине о молодежной политике отмечается «социальная, культурная и политическая разнородность групп молодежи» [Доктрина молодежи России... 2002. С. 5].

Сошлюсь на некоторые фрагменты дискуссии вокруг принятия этого документа, развернувшейся на конференции «Молодежь в XXI веке» (март 2003 года), где перед представителями молодежных общественно-политических организаций из 64 регионов России выступил спикер Совета Федерации Сергей Миронов, обративший внимание на то, что в самой Конституции РФ 1993 года отсутствует понятие молодежной политики. Многие участники говорили о том, что под видом молодежной политики предлагается классический чиновничий набор действий – дать денег и создать новые ведомства. На казенном языке это звучало так: поддержать специализированные организации и программы содействия молодежной занятости, уделить внимание профессиональной ориентации и подготовке молодежи. В бюджетах разных уровней отдельными разделами прописать реализацию службами занятости программ молодежного труда. Материально стимулировать предприятия, чтобы те создали рабочие места для молодежи (в первую очередь – для ребят младше 18 лет). Говоря о необходимости избавиться от старых методов руководства молодежью, авторы тем не менее оставили в доктрине некоторые механизмы «принудительного» отношения к молодым. В документе, в частности, говорится о «переводе системы выявления и определения безнадзорных детей из заявительной в принудительную», «введении ограничений по возрасту и времени пребывания молодежи в общественных местах» и др. Несогласие с этими пунктами выразил член рабочей группы, на тот момент заместитель министра образования Юрий Коврижных. Он возразил и против пункта о введении квот для молодых людей в возрасте до 30 лет при их выдвижении различными политическими партиями на выборах. По мнению члена рабочей группы, председателя Центрального совета Союза молодежных

организаций РФ Владимира Журавлева «молодой человек не нужен ни обществу, ни государству, а лидеры молодежных организаций боятся объединять усилия», а Елена Костенко, советник главного территориального управления президента России отметила, что «тему молодежи не любят ни журналисты, ни власть. Преодоление стереотипного отношения к молодежи – это самая трудная задача» [Братерский, Ратиани, 2003].

Таким образом, понимание противоречивости и неясности стратегического смысла современной молодежной политики очевидно и для самих ее разработчиков. Несмотря на то, что идеологически запрограммированное, формировавшееся в рамках научного коммунизма представление о молодежи как однородной социальной группе должно бы стать «историей», оно оказывается невероятно живучим. Значимость перехода от рассмотрения молодежи как объекта целенаправленного государственного воздействия или ресурса будущего нации к молодежи как полноправному субъекту общества, на что обращалось внимание не только западных, но и отечественных ученых еще в начале 90-х годов, продолжает существовать в политических и отчасти академических текстах большей частью декларативно.

Общественная польза и как ее оценивать

Понятие «социальной или гражданской активности» можно понимать как желание участвовать, включаться в общественные преобразования, как потребность найти свое место, определить направленность жизни, обрести идентичность. Очевидно, что ключевым моментом в измерении отношения индивида и общества становятся его / ее представления об *общественной пользе* (одобряемые и принимаемые большинством общности, к которой индивид себя относит).

Молодежь с момента своего «открытия» в начале прошлого века рассматривалась большинством ученых и политиков как «природно, естественно» активная, как некая социальная сила, всегда и везде несущая с собой инновации. Бесспорно, что молодежь любого общества связана с будущим. Однако потенциал этого будущего разнообразен, его нельзя свести только к инновационным, традиционным или девиантным тенденциям современных молодежных практик. *Молодежные проблемы* становятся открытыми и очевидными, когда те или другие группы ведут себя как «беспорядочные потребители», «нарушители спокойствия», «культурные мятежники» или как «молодые правонарушители». *Молодежная повседневность*, в которой выражаются или воспроизводятся доминирующие в обществе ценности, остается, как правило, «невидимой». Но молодежь не всегда бунтует, подрывает устои общества и родителей. Кроме новых общественных болезней молодежь может предвещать возврат к традиционной или поддержке существующей нормативности. «Обычная» молодежь, полностью интегрированная в настоящее, – мо-

лодежный мейнстрим – всегда составляла большинство своего поколения. Однако внимание исследователей и политиков чаще обращается к тем группам, которые выпадают из общей «нормативности», а именно к *субкультурной* молодежи – эпатажной, яркой, экстремистско-настроенной; и к *маргинальной* – депривированной, неблагополучной – молодежи из «групп риска». В первом случае изучаются экзотические субкультуры, неформальные молодежные движения, во втором – делинквентная, криминально-ориентированная, безработная, бедная, бездомная молодежь. Особый интерес социологов, как правило, вызывают те, кто попал в наркотическую или алкогольную зависимость, входит в молодежные группировки, занимается проституцией или бродяжничеством и т. д. Эти подходы редко пересекались; проблематизация первого типа активностей проходила в русле культурной, второго – структурной парадигм. В опоре на эти «девиантные» парадигмы развивались идеи, связанные с переходом во взрослость и сложностями социализации. Но интеграция в общество, формирование личностной, культурной и социальной (гражданской) идентичности происходит не только в рамках групповой активности. Так, например, одно из наших исследований¹ показало, что употребление наркотиков не является доминирующей практикой и мало участвует в формировании идентичности (за исключением крайних случаев зависимости). Определяющим моментом в отношениях к наркотикам служит жизненно-стилевая стратегия индивида и группы, с которой он себя идентифицирует. Если бы исследование фокусировалось только на отношении к наркотикам, оценке видов, частоты и распространенности их употребления, мы вряд ли смогли бы что-то понять о самой молодежи и факторах, определяющих выбор или отказ от наркотических проб.

Для всех молодых людей самым важным остается повседневная рутина семейного, учебного, рабочего или другого жизненного графика, а проблематизация, пусть и неявно, *содействует фрагментации молодежной субъективности* и препятствует пониманию целостной природы молодости и характера включения различных групп в социум.

Сосуществование двух представлений о «предназначении» молодежи в обществе – ее априорной *инновативности* или потенциальной *угрозе* – можно назвать глобальной (присущей всякому взрослому большинству) амбивалентностью по отношению к «новому» поколению. Однако то, как «старшие» формулируют свои позитивные ожидания и страхи в отношении будущего, во многом зависит от конкретной ситуации. С одной стороны, они смотрят на молодежь с надеждой, с другой – с тревогой и завистью. Понимание того,

¹ НИЦ «Регион» совместно с Центром Русских и Восточно-Европейских исследований (CREES) завершили исследование, посвященное включению различных наркотических практик в повседневный молодежный контекст. (Проект «Бытовое, но не “нормальное”. Употребление наркотиков и молодежные культурные практики в современной России», Грант ESRC, 2001–2004 годов. География: малые и средние города трех регионов России: Республики Коми, Самарской области, Краснодарского края. Руководители – Х. Пилкингтон и Е. Омельченко).

что можно и должно рассматривать в качестве проявлений социально «полезного» молодежного активизма зависит от истории, культуры, доминирующих в обществе ценностей и идеологии.

Следует признать, что вопрос о молодежном активизме в современной России невероятно запутан. Сказывается влияние советского прошлого, сложный характер социальных трансформаций, меняющих критерии определения нормативности, образцов успешной и общественно одобряемой социальной пользы и гражданского участия. Постсоветскими гражданскими структурами и правозащитными организациями все более активно осваиваются новые социальные технологии включения в пространство социальной политики, частью заимствованные от развитых западных обществ, частью продвигаемые при поддержке различных западных фондов. Ситуация усложняется отсутствием разделяемых большинством населения представлений о направлении и перспективах общественного развития. Будущее России во многом остается темой дискуссий и политических экспериментов. В этой ситуации понять и решить для себя, что значит быть «активным гражданином» – очень непросто.

Важен, на мой взгляд, и психологический аспект. Постоянное переписывание отечественной истории и роли ее героев приводит к тому, что многие исторические образцы гражданской активности индивидов не вписываются в современное понимание социального успеха, их усилия по «внесению вклада» в формирование имиджа свободной и могучей страны оказываются девальвированными. Это способствует развитию социального цинизма, когда более успешными признаются не усилия тех, кто отдавался бескорыстному служению ради общего блага (на поверку оказавшимся благом правящей элиты), а преследовал личные (материальные, политические) цели. В результате само понятие «общественного служения» начинает терять свой благородный смысл, превращаясь в инструментарий политтехнологов и политическую риторику. В этой ситуации говорить о сформированной общественной солидарности, гражданском капитале самодеятельного развития общественных инициатив просто не приходится.

Российская молодежь между государством и гражданским обществом

Позиционирование себя различными молодежными группами по отношению к государственным и гражданским структурам российского общества затрудняется не только противоречивыми обстоятельствами современного жизнеустройства. Чтобы испытывать потребность участвовать в гражданских практиках, нужно, прежде всего, понять, что собственно это значит – «занимать активную гражданскую позицию». Ответ на подобный вопрос требует от юноши или девушки определения сущностных, смыслообразующих

констант своего места в обществе. Насколько в его или ее представлении о собственной жизни, карьере, успехе присутствуют ценности гражданского самосознания, защита каких прав для современных молодых россиян оказывается наиболее актуальной? Какие из своих прав они считают уязвимыми – личные, групповые, солидарные? Насколько реально современного молодого человека или девушку увлечь, например, идеями движения антиглобализма, если они не имеют личного опыта дискриминации или живут в местах, далеких не только от Запада, но и от российских мегаполисов? Такие активные социальные действия, как вступление в партию, участие в марше протеста, забастовке или митинге, самостоятельный сбор подписей в защиту идеи или личности возможны только при наличии сформированной внутренней мотивации. Какова ее природа? Что в условиях жесткой и последовательной капитализации России может увлечь настолько, чтобы юноша или девушка, пренебрегая материальным интересом, временем и досугом, бросились «с головой» в защиту прав беженцев или этнических меньшинств? Наконец, насколько бескорыстно участие молодежи например в пропрезидентском движении «Идущие вместе», продвигаемом ее лидерами в качестве примера гражданской активности? Подобные «карманные проявления» политически одобряемой активности особое недоверие вызывают у правозащитников¹. Так, по мнению одного из них, движение «Идущие вместе» является доказательством политического цинизма молодежи: «Новое поколение вырастит еще более законопослушными гражданами, которые будут говорить: “Все путем”, выходить с маечками “Пути-пути”. Понимаете, должен быть опыт гражданского сопротивления. Я не имею в виду насильственное... в странах, где произошло несколько революций, где у отцов есть опыт, что власть не всемогуща, и власть можно менять – это один опыт. А опыт страны, где власть всегда насилывала людей и делала с ними все что угодно, где главный принцип “сиди, не высывайся, иначе получишь” – здесь никогда ничего не вырастит...» (Молодежный правозащитный центр, Воронеж).

Ответить на подобные вопросы невозможно, если не приблизиться к пониманию того, каковы реальные приметы молодежного активизма, как и кем определяется его позитивный или негативный социальный смысл, каковы критерии оценки его «социальной пользы».

¹ Здесь и дальше приводятся цитаты из исследования, проведенного сотрудниками НИЦ «Регион» в ходе экспедиций в ряд молодежных правозащитных организаций. Исследование прошло в Воронеже, Перми и Саратове. В ходе его было взято 22 глубинных интервью с лидерами и молодыми участниками правозащитных организаций – пермского «Мемориала», воронежского Молодежного правозащитного центра, саратовской «Солидарности» и других. Каждый из городов характеризовался особенной ситуацией в плане развития гражданских инициатив, во всех отмечалась своя специфика деятельности общественных организаций. Участники экспедиций: О. Доброштан, И. Костерина, Э. Шарифуллина, Т. Левагина, Е. Лукьянова, А. Леванов. Подробный отчет размещен на сайте НИЦ «Регион» www.bulletin.region.ulsu.ru.

Российско-советской истории XX века, как и части западной, известны роковые ошибки волонтаристского обозначения молодежных действий в качестве «опасных и даже вражеских», если они приходили в противоречие с экономическими, политическими и культурными интересами господствующей элиты. Посредством мощных идеологических машин эти интересы насильно насаждались всем людям в качестве интересов «нормальных» граждан и патриотов своего общества. В результате – любые экономические, политические и культурные отклонения от «нормативной и разрешенной активности» попадали в разряд социальных девиаций, порицались и преследовались. Так, например, предпринимательская деятельность, к которой сейчас активно привлекается профессиональная молодежная элита, в 70–80 годы прошлого века преследовалась как «спекуляция» и «фарцовка». Молодых людей не просто осуждали в общественном мнении, но и привлекали к уголовной ответственности за мелкую торговлю «идеологически вредной западной продукцией». Так, например, джинсовая одежда, ставшая символом молодёжности во всем мире, рассматривалась исключительно как признак распущенности и подверженности «дурному влиянию Запада». Особенное общественное осуждение вызывала, например, в 60–70 годы первая волна российских молодежных субкультур – стилиаги, которые в глазах общественности выглядели не просто пассивными элементами, но и крайне вредными и, конечно, социально опасными (отказ от участия в коммунистическом строительстве) [Пилкингтон, 1992; Омельченко, 2004б]. На самом деле принятие подобного субкультурного имиджа требовало от советского молодого человека или девушки большого мужества, было открытой демонстрацией активности, в определенном смысле – противостоянием насаждавшейся массовой культуре «равенства и одинаковости». В рамках советской идеологии воспитания подрастающего поколения существовало детально разработанное описание «активной жизненной позиции», имевшее четкие и недвусмысленные расшифровки: 1) участие в общественной жизни (включение во все мероприятия, проводимые официальными молодежными организациями, – пионерией, комсомолом); 2) высокий уровень личной сознательности, означавший подчинение личных интересов интересам коллектива, долг и ответственность перед коллективом и за него, развитое чувство патриотизма и пролетарского интернационализма, политическую зрелость и др.; 3) развитость моральных качеств советского человека: приоритет духовных ценностей над материальными, отсутствие вредных привычек и сексуальной распущенности, недопустимость проявлений «буржуазной» морали – вещизма, карьеризма, гедонизма и др.; 4) высокий уровень культуры – знание советской литературы и искусства, включая ключевые работы В.И. Ленина, генеральных секретарей ЦК КПСС и решения последних съездов партии. Уровень социальной и политической зрелости оценивали на специальных экзаменах – «ленинских зачетах», которые школьники начинали сдавать с третьего класса. Предполагалось также, что эти качества должны стать частью

внутренней мотивации каждого индивида, определяя значимые жизненные выборы. Каждый молодой человек или девушка должны были активно участвовать в обсуждении вопросов на политзанятиях, посвященных международной обстановке, достижениям комсомола в строительстве социализма и коммунизма, в обсуждении и осуждении поведения, «недостойного звания комсомольца», связанного с плохой успеваемостью, отказом от участия в общественной работе или распущенностью. Позитивные формулировки характеристик молодежи, необходимых для поступления в комсомол, члены КПСС, университет или на работу, звучали определенно: «политически грамотен и морально устойчив». Если оставить в стороне очевидную идеологизированность, эти понятия отличает четкость формулировок, понятность границ, переход которых мог повлечь определенные санкции¹.

Другими были и интерпретации пассивности. В разные времена отклонением могли считаться как открытый молодежный активизм (революционные или контркультурные движения, например студенческие волнения конца 60-х, прокатившиеся по всей Европе и США), так и пассивность (отказ от участия в официальной политике хиппи – «людей системы» или от службы в армии верующих или пацифистов). Расшифровки понятий «активности» и «гражданского участия» следует осторожно соотносить с понятиями «общественной пользы или вреда», поскольку в современном российском контексте они также имеют, пусть отличную от советской, но выраженную идеологическую окраску. Власть взрослого статуса в современном мире неустойчива, его позиция подвергается «нападениям» с разных сторон, что усиливает ощущение тревоги и даже страха. Этот *страх* может проявляться как забота, стремление помочь, облегчить молодым преодоление барьеров нового времени. В ярких революционных конструктах этот страх принимал форму мобилизации и прямого вовлечения молодежи в реализуемый партией курс преобразования общества. В более поздних советских и постсоветских конструктах этот страх в определенной степени выдавал неуверенность взрослых в самих себе. Не только в академических текстах, но и в «здравом смысле» трудно обнаружить четкие критерии нормативности по отношению к молодежи. Когда речь идет о нравственности, морали, потреблении или особенностях отношения к трудовым ценностям, то определение «правильного» и «отклоняющегося» поведения превращается во властные высказывания, не требующие доказательств, опирающиеся исключительно на авторитет возраста (мудрости). Таким образом, наличие «других» – априорно проблемной молодежи – становится в большей степени подтверждением правильных и нормальных взрослых.

¹ Столь детальное описание советских практик идеологического воспитания подрастающего поколения не случайно. Опыт преподавательской работы показывает, что несмотря на то, что многие из них отошли в прошлое и не знакомы студентам, их идеи странным образом, пусть и неявно, продолжают присутствовать в виде стереотипов или даже архетипов, мешая развитию независимого гражданского мышления.

Актуальность дискуссий о молодежи очевидна, и, несмотря на некоторое снижение интереса к этой тематике за последнее десятилетие, споры о путях и тенденциях ее движения в будущее ведутся не только в академической среде. Темой маргинальной позиции молодежных исследований занимались многие западные ученые [Griffin, 1993; Cohen, 1997; Cohen, Ainley, 2000; McRobbie, 1996; Pilkington, Jonson, 2003]. В частности, Ф. Коен полагает, что маргинальная позиция молодежи в обществе, часто сконструированная исследователями, отражается не только на маргинальной позиции молодежных исследований, но и низком статусе молодежной политики. Позицию молодежной политики в советском обществе вряд ли можно назвать маргинальной. Советская молодежь была непосредственно вовлечена в официальную политику (как по собственному желанию, так и принудительно), молодежные политические организации (пионерия и комсомол) играли важную роль в формировании национальной истории, помогали совершать коренные сдвиги во власти, идеологии и экономике. Государство не просто обращало на молодежь пристальное внимание, но с помощью своих механизмов поддерживало, стимулировало и контролировало ее активность. В СССР, как и в других тоталитарных государствах, политические и экономические интервенции в молодежный вопрос опираются на биополитический конструкт молодежи, представляющей потенциальную угрозу, поэтому нуждающейся в постоянном руководстве. Это проявляется не только в контроле, но и последовательном формировании молодежной инфраструктуры. С одной стороны, советский конструкт молодежи как строителей коммунизма выглядел прямой противоположностью западному – молодежи как проблемы. Советская молодежь, в отличие от постсоветской, не вызывала у общественности моральной паники. Моральные паники, хотя и близки «по духу» к реакциям общественности советского типа, но имеют ряд особенностей. Идеологическая борьба против первых стилег или диссидентов, сопровождавшаяся массовой атакой СМИ, контролировалась и направлялась в нужное русло в соответствии с политическими решениями и при помощи мощного идеологического аппарата. Моральные паники провоцируются СМИ, хотя часто и при участии правительства или других государственных институтов, однако развиваются стихийно, плохо поддаются управлению, являются в большей степени иррациональными реакциями, лишены конструктивности и не оставляющими пространства для позитивного взгляда на решение проблемы [Коен, 2000; Ясавеев, 2004].

Постоянные поиски чуждого (иностранного) начала, скрытого «внутреннего врага» в «молодых строителях коммунизма» свидетельствовали о том, что советский конструкт содержал в себе, пусть и в неявном виде, представление о молодежи как проблеме. Пока социализм строился в отдельно взятой стране, а затем в отдельно взятом «социалистическом лагере», молодежь можно было территориально и культурно (а иногда и физически) изолировать от «другой» молодежи (западных сверстников и своих «внутренних вра-

гов)), выхватить ее из общего возрастного потока. При этом ее мятежность, энергия и «разрушительная» сила направлялись в русло решения политических задач. Как только политический контроль был ослаблен, начали одна за другой появляться «обычные» молодежные проблемы: неформальная активность, неконтролируемый досуг, «падение» нравственного и духовного климата, «потребительство», злоупотребления наркотиками и алкоголем. Они создали все предпосылки для формирования нового, вернее, привычного взгляда на молодежь сквозь призму конструкта девиантности. Сказалась и некоторая растерянность отечественных исследователей молодежи: принятые идеологические конструкты «больших теорий» подверглись критике, западные концепции не сразу стали доступными и с трудом поддавались адаптации к отечественным условиям. Кроме того, западный академический и социально политический опыт не может быть полностью применен к анализу российской молодежи. Одна из основных причин этого связана с его яркой спецификой, с характерными для него чертами устойчивого плюрализма и эксцентричности, которые, по мнению ряда ученых, определялись особенностями культурно-территориальных и классовых условий¹.

Глобальный молодежный сегмент и активизм

Российская молодежь к концу XX века стала активным и властным социальным субъектом, особенно в контексте расширяющегося потребительского рынка. В этом своем качестве она мало отличается от своих сверстников во всем мире. В современный исследовательский лексикон вошло понятие «глобальный молодежный сегмент» [Miles, 2000. P. 153–154], с помощью которого обозначают культурно-потребительский профиль новой когорты, потребности которой формируются не только в контексте локального, но и глобального культурного пространства. Основными каналами продвижения общих стилевых трендов и предпочтений признаются современные СМИ и прежде всего расширяющаяся сеть всемирной паутины, при этом самым мощным глобализирующим молодежь «средством» является поп-индустрия, в первую очередь музыкальная, а также видео- и кинопродукция, которые благодаря новейшим технологиям становятся равнодоступными практически в любой точке мира одновременно. Самым удачным глобальным молодежным культурным проектом признается MTV, благодаря широкому распространению которого и другие средства коммуникации, обращенные к молодежи, все боль-

¹ Авторитет Британии (в первую очередь Лондона) как «молодежной культурной Мекки» подтверждается высказываниями самих молодых россиян, в чем мы убедились в ходе реализации совместного проекта «Глядя на Запад: принятие и сопротивление образам Запада провинциальной российской молодежью». Исследование проводилось в 1997–2000 годах в Ульяновске, Самаре и Москве при поддержке фонда Leverhulme Trust (Великобритания). Руководители – Х. Пилкингтон и Е. Омельченко [см.: Pilkington, Omelchenko et al., 2002].

ше MTV-зируются. Сегодня экономические, политические и культурные выборы российской молодежи могут реально повлиять на ход развития общества. Так, например, события на Украине (ноябрь 2004 – январь 2005 года) показывают, что поддержка молодежью «оранжевой революции» сыграла одну из решающих ролей в политическом противостоянии. Другое дело, как сможет новая власть распорядиться всплеском гражданского самосознания и высоким доверием молодежи в возможность «некоррупцированного и бескорыстного» служения обществу, в возрождение национальных и культурных ценностей благодаря смене «вождя».

В этой ситуации странно выглядит отстраненное отношение к молодежи со стороны правящей российской элиты, падение интереса к ее повседневным практикам. Молодежная политика продолжает строиться по принципу реакции на чрезвычайные ситуации. Несмотря на изменение общественного устройства в отношении к молодежи со стороны власти преобладающими остаются подходы «советского типа», когда на нее смотрят не как на полноправный общественный субъект, а как на ресурс, который нужно правильно использовать, а в случае наличия «отклонений» – регулировать, контролировать и организовывать «сверху».

Современная российская молодежь живет в противоречивом мире. С одной стороны, она все еще в значительной степени погружена в атмосферу советского типа мышления, который транслируется через школьное и отчасти университетское образование (учителя и преподаватели «старой закалки»), родительские семьи и др. С другой – ее практическая жизнь наполнена другими сюжетами, в минимальной степени связанными с советским прошлым. Это – платное образование, молодежная безработица, жесткое социальное расслоение, усложнение жизненных стартов, расширение и развитость новых социально-культурных ресурсов, связанных с новейшими информационными технологиями, доступ к которым вносит новые «классовые» деления. Среди «новых» примет современной молодежной жизни часто называется расширяющаяся политическая и гражданская апатия. Однако именно этот тезис вызывает основную критику.

Политическая и гражданская активность в социально одобряемом смысле может самодеятельно проявляться, если молодежь начинает ощущать себя полноправным членом общества, чувствовать, что может на что-то влиять. Обратимся к данным одного из последних исследований, проведенных социологами НИЦ «Регион»¹.

Что такое власть? Как часто молодежь сталкивается с ее проявлениями? Кто сильнее всего ощущает ее давление? По результатам исследования мож-

¹ Исследование проводилось на фестивале правозащитных фильмов «Сталкер», который проходил в Ульяновске 28–31 марта. Всего в опросе приняли участие более 3 000 человек – школьников, студентов, занятой молодежи. См. сайты: www.region.ulsu.ru ; <http://stalkerfest.ru/2004/presscentr/26march.html>.

но сказать, что около 54 % молодежи чувствуют себя крайне уязвимой и незащищенной категорией, находящейся под постоянным давлением государства. Это касается как студентов, так и тех девушек и юношей, которые в данный момент нигде не учатся и не работают. Что характерно, с возрастом это давление со стороны власти, государства ощущается ими все сильнее. Угроза тотального контроля ассоциируется в первую очередь с силовыми структурами: милицией, армией и другими. По мнению молодых граждан, современное государство прежде всего защищает интересы олигархов, богатых людей, криминальных структур и столичных жителей. Наиболее незащищенными категориями были названы бедные люди, женщины, жители провинциальных городов и деревень, а также сама молодежь и трудные подростки. Таким образом, молодые ульяновцы убеждены, что государство защищает интересы и без того «защищенных» и сильных мира сего.

Что касается правовых интересов, то опрос показал, что у современной молодежи больше обязанностей, чем прав. Около половины юношей и девушек считают, что они не в состоянии оказывать заметное влияние на политику государства, то есть автоматически исключаются из правового пространства. И с возрастом эти пессимистические настроения лишь возрастают и утверждают. Интересно, что респонденты продемонстрировали активное желание принять участие в каких-либо инициативах: около 80 % готовы участвовать в общественно-полезной деятельности. Наибольший энтузиазм вызвала идея участия в молодежных общественных организациях. Так что идея пассивной, ничего-не-хотящей молодежи не оправдывается. Правда, заставляет задуматься тот факт, что молодежь готова присоединиться к уже существующим инициативам, но не хочет брать на себя ответственность по созданию собственных проектов. И есть еще одно, чрезвычайно значимое, условие: жажда деятельности молодежи никак не связана с политической активностью.

В современном обществе «активность» ассоциируется молодежью с возможностью самореализации, самопрезентации, одобрение группы сверстников становится более значимым, чем одобрение неким, часто отстраненным, «обществом». Пассивность, в данном контексте политическая апатия, вовсе не обязательно имеет негативно-порочительный оттенок. Напротив, для части молодежных субкультур неучастие в официальной политике является знаковым. Таким образом, в зависимости от того, в контекст какой культурной группы индивид включен, расшифровка этих понятий будет различной.

Наличие определенного социального опыта во всех его ипостасях – экономической, политической, культурной, – а также развитые каналы его трансмиссии – семья, школа, институт воспитания, – помогают молодежи более или менее бесконфликтно социализироваться, поэтапно вписываться в ту или другую группу, приобретать собственный опыт и определять индивидуальные ценности. Ограничение социальных выборов взросления «единственно верной дорогой» опасно, поскольку может привести к социальному зомби-

рованию, «выправлению» и «выпрямлению» индивидуальностей до среднего образца. С другой стороны, бесконечное множество выборов и отсутствие каких-то социальных проводников ведет к разрыву межпоколенческой коммуникации, отказу от преемственности прошлого культурного опыта, поиску собственных интерпретаций смысла и предназначения жизни.

Коренные общественные изменения актуализировали для молодежи проблемы, с которыми столкнулось все зрелое большинство населения России: необходимость постоянной адаптации к изменениям для более или менее гармоничной интеграции в постоянно меняющееся общество. Среди современных техник адаптации, отличных от советских образцов, можно назвать следующие: *индивидуализм* как стержень «самостроительства» ценностного мира – на смену коллективизму; *склонность к сверхмобильности и риску* – на смену стабильности; *стремление к получению разнообразного трудового опыта* – на смену стажа на одном рабочем месте; *престиж работы в негосударственных, коммерческих и общественных структурах* – на смену государственными гарантиям бюджетной сферы; *рыночный карьеризм* – на смену партийно-бюрократическому; *потребление как использование товаров, услуг и идей для самореализации и самопрезентации*; доминирование *материальных ценностей* над идеологическими; *профессиональный статус, качественное образование и материальное благополучие как маркеры социального успеха*; *деньги как прямой эквивалент свободы и независимости*; *индивидуальная стилистика* вместо воспитания коллективом. Новые формы адаптации непосредственным образом связаны с политикой, отношением к государству, включением в гражданское общество, а часто и созданием его новых форм.

Довольно часто в качестве доказательства аполитичности современной российской молодежи используют аргумент ее малой представленности среди голосующих на выборах электоральных групп. Это интерпретируется таким образом, что молодежь не способна смотреть на интересы государства как собственные. Так ли это? А может быть подобная «аполитичность» и является своеобразной формой гражданского участия? К сожалению, серьезных исследований, раскрывающих причины отказов молодежи от участия в выборах разного уровня, не проводилось. Примечателен факт, что среди активно отрицательного электората ¹ молодежь по некоторым регионам составила от 15 до 28 % проголосовавших «против всех». Неоднозначность такого «неучастия» очевидна. Скорее всего этого говорит о том, что у современной молодежи все еще нет реального доступа к политической арене. А откровенное заигрывание со стороны отдельных политических лидеров или партий воспринимается «продвинутой» молодежью как хороший повод «погулять на халяву», но мало кого они привлекают идеями или «политической харизмой». Пожалуй, В. Жириновский – это единственный лидер,

¹ Те, кто приходит на выборы и голосует «против всех». Один из самых высоких процентов активно отрицательного электората был зарегистрирован на выборах мэра Нижнего Новгорода в 2001 году.

которому удалось достучаться до молодых сердец, его имидж удачно вписался в одну из самых значимых для молодежи ценностей: «Он – самый прикольный». В то время, как акции других лидеров – Б. Ельцина, Г. Явлинского, С. Кириенко – самым откровенным и достаточно циничным образом использовались молодежью для веселого досуга, что практически никак не сказало ни на их участии в выборах, ни на результатах голосования.

Возникают «новые», «свои» формы политической активности, такие как экстремизм, анархизм, неонационализм. Этим объясняются усилия государственной молодежной политики: вместо развития конструктивных форм молодежной активности фокус смещается на борьбу с деструктивными реакциями. Это не в последнюю очередь влияет на отношение молодежи к государственной политике. Получается замкнутый круг.

«Российская молодежь верит только Богу и Путину» – такой вывод делается в одной из статей, посвященной исследованиям ИСПИ РАН [Попова, 2004]. Согласно результатам масштабного исследования, молодое поколение россиян не доверяет практически ни одному из властных институтов, за исключением президента и церкви: гаранту российской демократии доверяют 57,2 % респондентов, а церкви – 48,1 %. Госдума, правительство России, политические партии и милиция сходных чувств у молодежи не вызывают. По мнению социологов, такая картина объясняется тем, что представление о жизненных ценностях молодые россияне перенимают от старшего поколения, например от родителей, и используют его в качестве базы для создания собственного мнения. В силу возрастных идеалистических представлений молодежи о жизни именно президенту дается больший кредит доверия, тогда как остальные ветви власти для нее – заочно неэффективные и продажные. Отметим, что в ходе исследования Центра социологии ИСПИ РАН об отношении молодежи к институтам власти, государственным и общественным структурами было опрошено около двух тысяч человек в возрасте от 15 до 29 лет. Результаты прошлого года были сопоставлены с результатами аналогичного исследования трехлетней давности, и как оказалось молодые россияне до сих пор в большой степени не доверяют властным структурам. Так, например, политическим партиям верят лишь 8,2 %, Госдуме – 15,8 %, милиции – 20,1 %, руководителям регионов – 22 %, а правительству – 24,9 %.

Современная российская молодежь не верит в возможность что-либо изменить. Правда, многие специалисты склонны считать, что столь безоговорочная вера в президента у молодежи вызвана еще и возрастным идеализмом и инфантилизмом. Считается, что для молодого поколения характерны идеализм и перенесение нравственных максим на институты власти. Те ценности, которые связаны с главой государства и церковью, – наиболее консервативные, но одновременно и идеалистические. Например, доверяя церкви, молодежь не участвует в ее практиках. На этом фоне молодежь явно не желает участвовать в политических событиях. Зато, судя по результатам исследования ИСПИ, молодежь по-прежнему хочет, чтобы Россией руководила сильная личность, молодым россиянам больше импонирует закрытое общество

и возможность свободного предпринимательства в стране. Во всем мире исследуются проблемы институтов власти, проблемы их легитимизации, поскольку они действуют в той степени, в какой им доверяют. Результаты исследования говорят о том, что глубоко легитимным институтом для молодежи является только президент, а другие структуры измеряются иными критериями, имеют иной масштаб этических норм. Ко всем остальным структурам власти не только молодежь, но и большинство россиян испытывают «фундаментальное недоверие».

Активизм и развитые формы гражданского участия

Понятие активизма ассоциируется с развитыми формами гражданственности. Гражданское общество опирается на прямое участие населения в общественной жизни и на существующее солидарное знание, разделяемое большинством относительно того, что есть «норма», что считается «хорошим», «правильным», «нормальным». Одним из определяющих условий развития социальной солидарности является сформированный или формирующийся в обществе средний класс, прослойка, которая в наибольшей степени заинтересована в поддержании статус-кво и в меньшей степени готова к социальным инновациям. Ядром ее солидарности являются неприкосновенность частной собственности, наличие в государстве гарантий соблюдения прав человека, прозрачность судебной и законодательной систем, развитость самостоятельных гражданских систем. Многие, если не все из этих признаков, к современной России применить очень сложно, поэтому споры о существовании гражданского общества в России не прекращаются. С одной стороны, существует достаточно широкая система общественных организаций, которые принято считать главным доказательством его наличия. С другой – база этой системы все еще по преимуществу государственная в том смысле, что многие из них организованы, что называется, «сверху», часто для демонстрации своей демократичности с целью привлекательности финансовых инвестиций с Запада.

Российское правозащитное движение глазами его вождей и молодежи

По мнению одного из лидеров современного российского правозащитного движения Игоря Аверкиева, председателя пермской Гражданской палаты, гражданское общество в России переживает «тихий кризис идентичности». Пафос его идеи в основном обращен ко взрослому составу гражданских инициатив, однако основные моменты можно прямо адресовать и молодежи. По его мнению, постсоветской общественности известны лишь две модели самореализации: «советская», основанная на участии общественности в распределении государственных ресурсов между нуждающимися, и «западная», основанная на защите общественных интересов в опоре на собственные ресурсы гражданского общества. Поэтому одна часть активистов и организаций, отстаивая

общественные интересы, стремится дополнять и обслуживать социальную функцию государства. Другая часть пытается решать проблемы общества, апеллируя к гражданской активности населения и опираясь на поддержку частных доноров, в основном западных. «Социальная эффективность обеих моделей в современной России явно ограничена, поскольку страна явно перестала быть “советской” и явно не стала “западной”... Обе модели гражданской деятельности оказались неэффективны в обществе, которое после шока “деколлективизации” тотально разобщено, в котором господствует недоверие всех ко всем, и где у граждан отсутствуют навыки, рефлексыв общественной самоорганизации для защиты общественных же интересов» [Аверкиев, 2004]. Первая модель, по его мнению, все больше теряет социальную базу – все меньше тех, кто искренне верит в государство как основополагающий общественный институт, как главный гарант благополучной частной жизни. Вторая модель с трудом укореняется в сознании, поскольку неразвитыми оказываются механизмы межличностного доверия и веры в силу права, а также опыта их коллективного отстаивания: отсутствует как вера друг в друга, так и в государство.

Как показало наше исследование, в пространстве гражданских инициатив открываются большие возможности для проявления молодежных амбиций, при этом такого рода активность ассоциируется большинством молодежи с политической (государственной) работой. Как и в советское время, подобная карьера интересна далеко не всем. В самом правозащитном движении существует много противоречий, которые создают барьеры для активного включения молодых поколений. Эти барьеры можно классифицировать следующим образом.

Первый барьер – имидж и репутация самого движения. С одной стороны, отсутствуют устоявшиеся исторические традиции и общественное согласие, поэтому защита прав и свобод все еще ассоциируется с политической или социальной маргинальностью, что поддерживается устойчивым негативным имиджем, сформированным как эмигрировавшими диссидентами, так и первыми российскими демократами. Другие, даже более маргинальные позиции (например, андеграунд по отношению к мейнстриму в молодежной культуре: русский рок – откровенная попса), достаточно привлекательны для «продвинутой» молодежи (интеллектуалов, богемы, студентов). Такое противостояние располагается внутри официозного пространства, ассоциируясь с политикой, партийной деятельностью, государственно-бюрократическим «мажорством».

Второй барьер – устойчивый имидж правозащитников как скандалистов и нарушителей спокойствия или функционеров комсомольского образца, делающих политическую карьеру. Первое ассоциируется со слабостью, неспособностью «решить проблемы нормальным путем», а только с желанием «качать свои права»¹, второе – с упоминавшимся «мажорством».

¹ «Нормально» – это «договориться по-хорошему», используя материальные услуги или нужные знакомства (социальный капитал личных сетей). «Качать права» – это «не по понятиям». Последнее, заимствованное из криминального сленга утверждение, достаточно часто используется молодежью не только гопнического стиля жизни.

Третий барьер – широко продвигаемый в отечественных СМИ образ правозащитной деятельности, финансируемой и, соответственно, контролируемой и управляемой Западом, через свои благотворительные фонды или их российские представительства. Этот барьер особенно значим на фоне роста «нового патриотического сознания» среди молодых россиян. Скачок национально-патриотического сознания связан как со стихийными, так и осмысленными действиями. Стихийный патриотизм связан не столько с гордостью за отечественную историю и культуру, сколько с потребностью в преодолении комплекса «национальной неполноценности». Этот комплекс сформировался в контексте пятнадцатилетней широкой и массивной критики истории, культуры и политики СССР, силовых государственных структур современной России, романтизации криминального и полукриминального мира. Среди молодежи определенного склада (прежде всего – гопников) особенной популярностью пользуется, например, телесериал «Бригада», представляющий собой русский вариант «Крестного отца». Рейтинг этого фильма настолько высок, что он уже более двух лет постоянно транслируется поочередно на российских телеканалах, а саунд трек из этого фильма остается самой популярной мелодией, используемой на мобильных телефонах.

Серьезное влияние на укрепление стихийно складывающегося патриотизма оказывает растущий негативный имидж США, особенно заметный с приходом президента Дж. Буша-младшего. Сознательный патриотизм характерен для неонационалистических, анархистских¹ и профашистских субкультурных молодежных формирований, в первую очередь – для становящегося все более популярным, особенно среди депривированной, провинциальной молодежи, движения скинхэдов². Активно эксплуатируются неопатриотические настроения молодежи среди футбольных фанатов [Илле, 2004].

¹ В 1988–1989 годах появились первые анархистские объединения России – Конфедерация Анархо-синдикалистов (КАС, Москва), Анархо-Синдикалистская Свободная Ассоциация (АССА, Ленинград), позже – АКРС (Анархо-Коммунистический Революционный Союз), ПЛА (Питерская Лига Анархистов), АДА (Ассоциация Движений Анархистов), АКА (Альянс Казанских Анархистов), «Хранители Радуги», ИРЕАН (Инициатива Революционных Анархистов) и др.

² Существуют рассчитанные на скинхэдов ультраправые сайты в Интернете, включая «русское зеркало» американского скинхэдского сайта «Stormfront». Большинство скинов объединены в маленькие банды по месту жительства или учебы (на 80 % скины – это старшеклассники или учащиеся ПТУ). Например, в Москве существуют две политизированные, жестко иерархизированные скинхэдские организации: «Скинлегион» и «Blood & Honour – Русский филиал», в Питере – «Русский кулак», в Нижнем Новгороде – «Север», в Ярославле – «White Bears» («Белые медведи»). В Москве со скинами активно работает РНСП. Газета РНСП «Штурмовик» в последнее время постоянно восхваляет «подвиги» скинов. По некоторым данным, с недавних пор скин-издание «Под ноль» выходит на средства РНС. Другой активно работающей среди московских скинов праворадикальной организацией является «Национальный фронт». В Петербурге со скинами работает Национально-республиканская партия России, в городах Поволжья и Краснодаре – Русское национальное единство. Существует и специфическая ненационалистическая ветвь красных скинов: см. в Интернет «Сайт красных и анархо-скинхэдов»: <http://www.redskin.newmail.ru>.

Четвертый барьер – борьба и разборки внутри самого правозащитного движения. Для того чтобы молодежь почувствовала вкус защиты прав, нужно разбираться в существующих противоречиях, а это далеко не просто. В кругу правозащитников продолжаются дискуссии между сторонниками «чистоты идеи» и «принятия жизненных реалий». Первые утверждают, что дело правозащитников – это борьба за «неотъемлемые права» и свободы, вторые считают, что нужно откликаться на те проблемы, с которыми к ним приходят люди, и это дает критикам повод утверждать, что они защищают не права, а интересы.

Пятый барьер – искусство презентации. Интерактивность – одна из самых эксплуатируемых всеми новейшими медиа форм молодежной коммуникации. Палитра Интернет-сайтов правозащитного движения действительно велика. На них в изобилии представлены официальные правовые акты и документы, выступления участников различных семинаров, круглых столов, форумов и т. д. Это связано с периодом «отвоевания» легитимного социального пространства гражданским обществом. С одной стороны, подобные материалы незаменимы для тех, кто начинает свою работу в этом направлении или ищет помощь в конкретной ситуации нарушения прав, с другой – отсутствие живых культурных текстов закрывает доступ «обычной», невключенной молодежи.

Шестой барьер – недоверие. Это самое сложное препятствие. Наши исследования показывают¹, что личную ответственность молодежь ощущает прежде всего за вопросы личной безопасности, тогда как возможность защиты неких коллективных прав осознается крайне мало. Уровень доверия молодежи к возможности добиться справедливости путем противостояния власти очень низкий, он даже ниже, чем доверие к государственным структурам. И наоборот, высока уверенность в том, что государственная машина сильна, и при желании (и патронаже заинтересованных силовых ведомств, прежде всего ФСБ) можно безнаказанно делать все что угодно. Главный тезис критики правозащитной деятельности заключается в том, что она – бесполезна. По мнению самих молодых людей, в эти движения чаще всего включаются те, кто делает политическую (в смысле – государственную) карьеру или находит нетрадиционные способы зарабатывать хорошие деньги благодаря спонсорской помощи и уходу от налогов.

Анализ различных форм гражданской активности молодежи позволяет сделать вывод, что для большинства это пространство не является по настоящему привлекательным, не рассматривается как место самореализации и самоутверждения. Чаще оно продолжает ассоциироваться с государ-

¹ Проект «Гражданство и безопасность глазами российской молодежи». Исследование проводилось в трех городах России – Ульяновске, Казани и Нижнем Новгороде (Грант ESRC, 2000 год, совместно с Центром Русских и Восточно-Европейских исследований, Бирмингем, Великобритания, руководитель – доктор Стив Веббер).

ственными структурами, а следовательно – располагаться в том же пространстве недоверия и отчужденности. Особый период российской истории, связанный с кардинальной сменой общественных нормативных систем, серьезным образом отделил индивидуальную жизнь молодежи (которая включает и публичные коллективные презентации) от коллективной в смысле государственно-публичной. Духовные интенции, признаваемые еще двадцать лет назад самыми ценными социальными качествами, все больше характеризуют субъективные, а не публичные идентичности молодежи. Гражданское участие с большим трудом поддается понятным расшифровкам в близких молодежи смыслах. Если говорить об аутентичной молодежной активности, то она разворачивается прежде всего в контексте субкультурных практик. Таким образом, независимые культурные пространства отвоевываются молодежью не только у государства, но и у гражданского общества.

Представители общественных организаций, опрошенные в ходе проведенных интервью, подняли проблему разрыва поколений. Число молодежи, приходящей в ряды правозащитников, уменьшается с каждым годом. На сегодня сложилась парадоксальная ситуация: лидерами большинства так называемых молодежных инициатив являются люди среднего возраста, чья активная деятельность началась еще во времена перестройки. Многие из них не скрывали того, насколько им бывает трудно найти подходы к работе с молодежью, разобраться в ее запросах и пожеланиях. Вопрос о смене поколений настолько злободневен, что даже заставляет ставить под сомнение перспективы развития в России всего правозащитного движения, участие в котором, по мнению экспертов, для молодежи менее привлекательно, чем карьера в коммерческих сферах. Так, например, достаточно критически оценивается многими как школы лидеров, так и волонтерские движения: *«Я видел, во что эти юные лидеры вырастают, – говорил в интервью один из лидеров молодежного правозащитного движения, – это инкубаторы по выращиванию юных, беспринципных волков, которые еще и научены современным методам НЛП. ...они либо не понимают что делают, либо совершенно холодные, беспринципные люди»* (Молодежный правозащитный центр, Воронеж). Новую российскую общественность не пополняют «молодые, способные, амбициозные, новые кадры, способные и желающие подхватить знамя у вождей, взять на себя всю полноту ответственности – минимум в поле зрения. Возможны, конечно, суррогатные варианты, но они не вдохновляют (занятость в продвинутой гражданской организации воспринимается как наименее затратный способ обретения международных контактов, реализации международной экспертной карьеры или как временное замещение политических амбиций)... Продолжают развиваться суррогатные формы волонтерства (“добровольный” труд в обмен на обещание попасть в программу международных волонтерских обменов, в обмен на “гарантированное” попадание на альтернативную гражданскую службу, в обмен на зачет по учебной практике и т. д.)» [Аверкиев, 2004].

Вряд ли удалось в рамках одной статьи разобраться со всем комплексом обозначенных вопросов и проблем. Очевидно, что молодежная социальная политика должна стать пространством реализации не узковедомственных интересов и амбиций, а открытым диалогом всех включенных в него субъектов. В настоящий момент на базе НИЦ «Регион» создан «Молодежный ресурсный центр»¹, в задачи которого входит обобщение накопленного исследовательского материала и имеющегося опыта социальной работы с молодежью. Подобный подход полезен не только с прикладной точки зрения, он помогает отказаться от конструктов прошлых лет, продолжающих влиять на государственную политику. С одной стороны, это предполагает нахождение механизмов включения научных исследований в практику общественных организаций и органов власти, с другой – готовность последних к диалогу с исследователями и открытой экспертизе своих программ². Продолжение работы «Молодежного ресурсного центра» мыслится не как дополнение к сложившейся системе комитетов по делам молодежи, а как гражданский институт, в рамках которого будут сталкиваться и находить взаимопонимание различные субъекты: государственные чиновники, лидеры политических партий, правозащитники, ученые.

Проведенные в рамках проекта исследования и мероприятия свидетельствовали об оторванности различных субъектов молодежной политики (не только государственных структур, но и общественных организаций) от реальных проблем молодежи. Если государственные структуры руководствуются в своей деятельности спущенными сверху программами, то вторые сосредоточивают свою работу на отдельных группах молодежи, например на ВИЧ-инфицированных, больных наркоманией, воспитанниках исправительных колоний и т. п. И те, и другие нуждаются, на наш взгляд, в более широкой информации о молодежи, а также в предварительной социальной экспертизе своих программ и в оценке эффективности уже проведенных мероприятий. Серия интервью, проведенных во время поездок сотрудников НИЦ «Регион» в мае-июне 2004 года, выявила еще одну актуальную проблему – нахождение механизмов включения молодежных инициатив в государственную политику. Некоторые из лидеров правозащитного движения, в частности из Саратова, говорили о том, что молодежные проекты не входят в число приоритетов правозащитного движения по сравнению, например, с репрессированными, инвалидами и пенсионерами. На их взгляд, проблемы молодежи – это, в первую очередь, сфера заботы

¹ Финансовая поддержка Фонда Дж. и К. МакАртуров (грант № 03-73073-000-GSS).

² В настоящий момент поддержано продолжение работы «Молодежного ресурсного центра», опыт которого показал, что поиск взаимопонимания между учеными, правозащитниками и представителями властных органов невозможен без постоянного общения между собой. Выбранная сетевая форма организации ресурсного центра оказалась эффективной. Сегодня в сети центра 47 участников из 15 регионов России: Самары, Саратова, Перми, Ульяновска, Нижнего Новгорода, Казани, Набережных Челнов, Ижевска, Москвы, Санкт-Петербурга, Краснодара, Воронежа, Новосибирска, Владивостока.

государства. Другие уверены, что общественные организации должны заниматься молодежью, но при этом их задача видится в создании программ, альтернативных официальной политике. Так, в воронежском «Молодежном правозащитном центре» считают, что только открытое противопоставление власти может привести к росту гражданской активности молодежи. Иная ситуация в Перми. Им удалось найти эффективную форму взаимодействия с органами власти – переговорные площадки, на которые выносятся обсуждение самых актуальных для региона проблем. Целью таких переговорных площадок является не просто обмен мнениями между властью и общественностью, а выработка конкретных совместных проектов, учитывающих и потенциал правозащитных организаций. В сфере молодежной политики в Перми, в частности, были проведены переговоры о введении общественного контроля над интернатными учреждениями (детскими домами, домами-интернатами и т. п.). Их организаторы – Гражданская палата и Пермский правозащитный центр – отмечают, что лишь активное взаимодействие с властью может служить основой эффективной политики, так как помогает учесть все имеющиеся точки зрения.

Следовательно, задача поиска новых форм социальной активности молодежи является одной из самых актуальных, и ее решение возможно лишь через взаимодействие всех субъектов, включая ученых, которые могут предложить такие формы активности, «общественников», способных предоставить платформу для их реализации, и чиновников из аппарата власти, имеющих административные и финансовые ресурсы для их поддержки.

Заключение

В рамках статьи удалось лишь обозначить основные проблемы самих активностей современной российской молодежи и различных интерпретаций их смысла, направленности и «полезности» со стороны различных субъектов социальной политики: государства, гражданских инициатив, самодельных молодежных формирований. Представляется, что основные противоречия бытующих интерпретаций «молодежного активизма» связаны не только с сохранением властно-патерналистского подхода к решению основных «молодежных проблем», но и с декларативно-обобщающим характером основных документов государственной молодежной политики. Идеологически запрограммированное представление о молодежи как однородной социальной группе не стало «историей», по-прежнему достаточно актуален пересмотр понимания молодежи как объекта целенаправленного государственного воздействия, ресурса будущего нации и переход к представлению о ней, как о полноправном акторе социально значимых действий. Далее при отсылках к понятиям «активность» и «пассивность» важно учитывать социально-политический и культурный контекст этих конструктов, а также интересы тех, кому принадлежит в данный период право формули-

ровать понятие общественной пользы и формировать рамки социальной нормативности. Отсутствие общественного согласия сказывается на противоречивом отношении к молодежному активизму в среде правозащитников – наиболее продвинутой части формирующегося в России гражданского общества. Анализ гражданской активности молодежи подтверждает мысль о том, что существующие формы не привлекают молодежь, поскольку не рассматриваются в контексте самореализации и самоутверждения. Гражданские инициативы продолжают ассоциироваться с государственными структурами, располагаясь в пространстве недоверия и отчужденности. Аутентичные, самодеятельные формы молодежной активности разворачиваются, прежде всего, в контексте субкультурных практик: независимые культурные пространства отвоевываются молодежью не только у государства, но и у гражданского общества.

Список литературы

- Аверкиев И. В.* Российская общественность: тихий кризис идентичности // <http://www.prgc.ru/averkiev/040326.shtml>. 2004.
- Братерский А., Ратиани Н.* Салехард – Тверь – Москва // http://www.mironov.ru/for_print.phtml?id=3975. 2003.
- Громов А. В., Кузин О. С.* Неформалы: кто есть кто? М.: Мысль, 1990.
- Доктрина молодежи России: стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2012 года.* М.: Государственный Совет РФ, 2002.
- Запесоцкий А. С., Файн А. П.* Эта непонятная молодежь...: проблемы неформальных молодежных объединений. М.: Профиздат, 1990.
- Илле И.* Футбольный фанатизм в России: Фан-движение и субкультура футбольных фанатов // <http://subculture.narod.ru/texts/book2/ille.htm>. 2004.
- Кичигин А. С.* Полет яблока: невыдуманная повесть-калейдоскоп о «неформалах». Киев: Молодь, 1988.
- Коен С.* Народные бесы и моральные паники: возникновение Модов и Рокеров // Е. Омельченко. Молодежные культуры и субкультуры. М.: Институт социологии РАН, 2000. С. 165–167.
- Левичева В. Ф.* Молодежный Вавилон: размышления о неформальном движении. М.: Молодая гвардия, 1989.
- Луков В. А.* Теоретические и методологические основы изучения молодежного и детского движения // Молодежные и детские общественные объединения: проблемы преемственности деятельности и исследований. Сб. докл. и выступлений. М.: Логос, 2002. С. 17–32.
- Материалы* Пресс-службы Совета Федерации. 2004. № 6(22). нояб. // http://council.gov.ru/inf_ps/senators/2004/35/item161.html.
- Неформалы: кто они? Куда зовут?* М.: Политиздат, 1990.
- Омельченко Е. Л.* Молодежь: Открытый вопрос. Ульяновск: Симбирская книга, 2004 (а).
- Омельченко Е. Л.* Культурные молодежные сцены России: между активностью и пассивностью // Правозащитное движение в России: Коллективный портрет. М.: ОГИ, 2004.

Омельченко Е. Л. Субкультуры и культурные стратегии на молодежной сцене конца XX века: кто кого? // *Неприкосновенный Запас. Дебаты о политике и культуре.* 2004 (6). № 36. С. 53–61.

Пашков М. Ю. Рок... Брейк... Что дальше? Кишинев, 1990.

Пилкингтон Х. Советская молодежь как «субъект» и «объект» строительства коммунизма // *Молодежь России на рубеже 90-х годов.* М.: Институт социологии РАН, 1992.

Пилкингтон Х., Омельченко Е., Флинн М., Блюдина У., Старкова Е. Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры / Пер. с англ. О. Оберемко, У. Блюдиной. СПб.: Алетейя, 2004.

По неписаным законам улицы... (О неформальных молодежных объединениях). Кишинев: Картя Молдавеняскэ, 1991.

Попова А. Российская молодежь верит только Богу и Путину // <http://www.rbcdaily.ru/news/policy/index.shtml?2004/01/05/49971>. 2004.

Ясавеев И. Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004.

Bynner J. Young People – Employment, Culture, Identity. London: ESRC, 1988.

Cohen Ph. Rethinking The Youth Question Education, Labor and Cultural Studies. London: Macmillan, 1997.

Cohen Ph., Ainley P. In the country of the blind? Youth studies and cultural studies in Britain // *Journal of Youth Studies.* 2000. Vol. 3. № 1. March. P. 79–97.

Griffin C. Representation of Youth. The Study of Youth and Adolescence in Britain and America. Cambridge: Polity Press, 1993.

Hebdige D. Hiding in the Light. London: Comedia; Routledge, 1988.

Miles S. Youth Lifestyles in a Changing World Open. Buckingham, Philadelphia: University Press, 2000.

McRobbie A. Post-modernism and Popular Culture. London: Routledge, 1996.

Pilkington H. Russia's Youth and its Culture: A nation's constructors and constructed. London; New York: Routledge, 1994.

Pilkington H., Omelchenko E., Flinn M., Bliudina U., Starkova E. Looking West? Cultural Globalization and Russian Youth Cultures. University Park, PA, Penn State: University Press, 2002.

Pilkington H., Jonson R. Periphery youth relations of identity and power in global/local context // *European Journal of Cultural Studies.* 2003. Vol. 6. № 3. August. P. 259–285.

Willis P. Common Culture. Milton Keynes: Open University, 1990.

Елена Леонидовна Омельченко

к. ф. н., доцент, зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью,
директор НИЦ «Регион», Ульяновский государственный университет

электронная почта: omelchenkoe@mail.ru
